

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ / POLITICAL INSTITUTIONS

Серия «Политология. Религиоведение»

2015. Т. 12. С. 41–49

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

*Иркутского
государственного
университета*

УДК 354

Президентализм и устойчивость развития политий: российская политическая практика и опыт зарубежных стран

Е. А. Трофимов

Дальневосточный государственный аграрный университет, г. Благовещенск

Аннотация. Рассматривается институт президента в России и за рубежом. Исследовательская гипотеза: в современных условиях политический статус президента РФ является важнейшим фактором, сдерживающим развитие российской политики и вызывающим ее архаизацию; требуется институционально-функциональная коррекция института президента в России на основе учета опыта зарубежных демократических стран и основных характеристик общества Постмодерна.

Исходя из оценки институционально-функциональной роли института президента в странах с эволюционным характером развития политий, а также основных характеристик общества Постмодерна, отмечается, что институт президента утрачивает доминирующее положение в политических системах современных демократических стран и приобретает статус «*primus inter pares*» («равный среди равных»). Снижение роли института президента в западных политиях связывается как с необходимостью усиления властного потенциала коллегиальных представительных органов, более эффективно осуществляющих согласительные и артикулирующие функции в полицентрических мозаичных конструкциях, так и с особенностью персонализированных институтов продвигать перманентный конфликт в социуме и иррационализировать политический процесс с целью усиления собственного политического потенциала за счет недостатков парламентских систем.

Подчеркивается, что происходящий в России политический процесс направлен на усиление роли института президента в государственном механизме, расходится с политической практикой демократических стран и общецивилизационным вектором развития политических систем. Складывающаяся ситуация способна привести к политическому кризису, основными причинами которого могут явиться: а) чрезмерная нагрузка на институт президента в результате усложнения социальной структуры социума и утраты президентом возможности согласования интересов широких социальных групп; б) автокатизация политической системы, ведущая к усилению диспропорций в системах «государство – государство», «государство – общество», а также выведению институтов гражданского общества из сферы обеспечения общественной безопасности; в) сохранение конфликтности политической системы в результате заинтересованности

президента в репродукции интолерантной политической среды; г) деградация российской политики и утрата ею конкурентоспособности.

При подготовке статьи использовались диалектический, нормативно-правовой, сравнительный, исторический, системный, синергетический, формально-логический методы исследования.

Ключевые слова: президент, моноцентризм, авторитаризм, централизация, социальное напряжение, демократизация, политическая трансформация.

В соответствии с Конституцией РФ и политической практикой институт президента является центральным элементом государственной системы России. Российский президент обладает широкими политическими полномочиями, является главой государства, арбитром в споре между различными государственными органами, гарантом конституционных прав и свобод граждан. Как отметил Г. А. Зюганов, «если суммировать все полномочия нынешнего президента, кто бы там ни сидел, они больше, чем у царя, фараона и генсека вместе взятых. Всех назначает, всех жалуует, всех критикует и ни за что не отвечает» [6].

Широкие полномочия действующего главы Российского государства в значительной степени определены, во-первых, историческим прошлым и персонифицизмом российского политического дискурса; во-вторых, противостоянием между Съездом Верховного Совета РСФСР и первым президентом России Б. Н. Ельциным, которое привело к закреплению в Основном законе государства, по форме правления сравнимого с конституционной монархией; в-третьих, неразвитостью гражданского общества, отсутствием демократических традиций, несформированностью партийной системы и необходимостью выхода из экономического кризиса [17]; в четвертых, политическим портретом В. В. Путина, в значительной мере основанном на его личных качествах и работе в КГБ СССР.

В процессе авторитарной трансформации последнего десятилетия, формирования исполнительной, партийной, судебной, прокурорской «вертикалей», полномочия Президента РФ существенно расширились, создав условия для выхода главы Российского государства за рамки государственно-правового поля. В этом плане актуально звучит известный тезис лорда Эктон и слова анархиста М. А. Бакунина, который писал: «...Обладание властью превращало в тирана даже самого преданного друга свободы» [23, с. 183].

В рамках общецивилизационного вектора развития политического бытия и все более отчетливого проявления постмодернистских трендов фактическое умножение полномочий президента в России выглядит как нонсенс и аксиоматично ведет к подавлению гражданских институтов и примитивизации политического ландшафта, что в условиях современных постмодернистских трендов может наносить урон развитию социума.

Опасности для эволюционного социогенеза могут представлять: а) рост нагрузка на институт президента в результате усложнения социальной структуры социума и утрата им возможности согласования интересов широких социальных групп общества; б) автокатизация политической системы, ведущая к усилению диспропорций в системах «государство – государство», «государ-

ство – общество», а также выведению институтов гражданского общества из сферы обеспечения общественной безопасности; в) сохранение и усиление конфликтности политической системы в результате заинтересованности президента в репродукции интолерантной политической среды; г) деградация российской политики и утрата ею конкурентоспособности.

Итак, развитие социума подчинено закону усложнения организации организмов, предложенному К. Ф. Рулье в процессе анализа эволюции живых организмов. Применительно к социальной сфере он может быть интерпретирован следующим образом: «Развитие социума приводит к усложнению его институционально-функциональной организации путем нарастающей дифференциации функций и органов, выполняющих эти функции».

В современной политической практике данный закон проявляется в идеологизации политического пространства и гуманизации социально-политических отношений, способствующих возникновению все большего числа центров политического влияния как в собственно политическом, так и в культурном, религиозном, территориально-организационном плане; широком использовании в политической практике принципа разделения властей и субсидиарности, федерализации государств и расширении политических прав и свобод граждан. Противодействие данному процессу или его искусственное сдерживание может приводить к деструктуризации политического ландшафта и к падению авторитета основных субъектов политических отношений, начиная от партий и заканчивая государствами. Крайними формами проявления деструктуризации политий является распад государственно-территориальной целостности. Так, за последние несколько лет в мировом политическом пространстве состоялись референдумы по вопросу отделения Каталонии от Испании, Шотландии – от Англии, Крыма – от Украины, была предпринята попытка выхода Гагаузии из состава Молдовы и т. д. В лучшем случае стремление сдерживать естественное развитие политий ведет к формированию квазиинституциональных структур и к дискредитации демократических ценностей [11].

Таким образом, концентрация широких полномочий в руках «национального лидера» только усиливает дестабилизацию. Как замечали Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон, рассматривая процессы артикуляции политических интересов, «отсутствие самостоятельности имеет серьезные последствия для политической жизни. Отрицание права групп интересов на независимое самовыражение способно привести к вспышкам насилия, а пренебрежение их интересами может понизить адаптируемость политического процесса» [1].

Автократизация и связанная с ней персонализация политической системы закономерно ограничивают коммуникацию между обществом и государством, вызывая усиление диспропорций в системах «государство – государство», «государство – общество», а также выводят институты гражданского общества из сферы обеспечения общественной безопасности. Политические лидеры как в авторитарных, так и в демократических системах способны эффективно отражать интересы лишь небольшого круга лиц, что в условиях моноцентризма приводит к нестабильности социальной среды. Рассматривая физику социального организма, Н. Винер писал, что попадание коммуникации «в руки тех, кто

больше всего заинтересован в игре за власть и деньги... является одним из основных антигомеостатических факторов в обществе» [4, с. 244–245]. Исследователь также подчеркивал, что высокой степенью гомеостаза могут обладать только «небольшие тесно связанные общества, будь то культурные сообщества в цивилизованной стране или селения первобытных дикарей [4, с. 243]. То есть для современных политий и роста благосостояния народа важна децентрализация, на которую обращал внимание и А. де Токвиль [21, с. 94].

Моноцентризм наделяет президента правом регулировать все возможные отношения, что приводит к неэффективности коммуникации и доминированию в данной системе принципа лояльности, подавляющего «общий дух». Важным в моноцентрических системах становится угодить верховному сюзеру, совместить свои интересы с его интересами, получив от «сотрудничества» политические, экономические и иные дивиденды взамен общего блага. В последнем случае речь может идти об усилении моноцентризмом коррупционной составляющей [24, с. 127], способной подорвать любое устойчивое развитие [7].

Политическая история указывает и на склонность персонализированных лидеров усиливать конфликтность политической системы. Данный процесс может являться как результатом общей неэффективности авторитарной конструкции, что приводит к значительным транзакционным издержкам [16 с. 86–87], так и необходимым условием поддержания арбитражных полномочий президентов. На зависимость института президента и степени интолерантности политики обращает внимание А. В. Кынев: «Роль президента тем значительней, чем более милитаризовано общество, чем больше в стране угроза вооруженного конфликта, угроза национальному суверенитету. Милитаризация массового сознания рождает потребность в “сильной руке”, что естественным путем усиливает влияние президента» [12, с. 23]. Ряд политических исследователей сегодня констатируют рост ксенофобии и интолерантности в российской политике [3; 5]. При этом суперпрезидентализм закономерно ограничивает стабилизирующий потенциал гражданского общества, выступающий важным гарантом стабильности и безопасности [2, с. 32–33].

Суперпрезидентализм ведет к деградации российской политики и утрате ею конкурентоспособности. Выступая центром государственной конструкции, глава Российского государства аргюі заинтересован в недоинституционализации как государственной, так и всей политической системы. Как замечают А. Ю. Мельвиль, Д. К. Стукал, М. Г. Миронюк, «у «царя горы» просто нет интересов, нет мотивации, которая побуждала бы его к формированию качественных институтов управления и сколь-нибудь демократических практик [14, с. 138]. При этом важно отметить, что российский президент, даже в условиях моноцентризма, обладает «двойной ответственностью» – перед народом и парламентом, что заставляет его прибегать к популистским практикам и иррационализировать политическое сознание масс [20]. В условиях дегуманитаризации и даже неоварваризации системы социально-политических отношений [18, с. 17] моноцентризм снижает адаптогенный потенциал государственной системы, ставя в зависимость от главы государства и его интересов любой политический проект.

Не следует полагать, что президент принимает политические решения единолично, так как сохранить свою устойчивость он способен только обеспечив баланс между различными элитными группами. Вместе с тем следует не согласиться с И. Е. Дискиным и Г. А. Сатаровым, что обеспечение межэлитного баланса президентом ведет к формированию полицентрической системы [15]. Приближая к себе наиболее влиятельных политических игроков, обладающих, в первую очередь, финансовыми и силовыми ресурсами, глава государства лишает их политической самостоятельности. В этом отношении прав А. Ю. Зудин, обращающий внимание на развитие моноцентризма в направлении деконцентрации, носящей управляемый и ограниченный характер [15], а следовательно, сохраняющей за президентом принятие всех важнейших политических решений.

Именно эти основные недостатки моноцентрических систем ведут к ограничению институционально-функциональной роли президентов в современных западных политиях. Так, государственные системы США и западноевропейских стран децентрализованы, процесс государственного строительства основан на принципе разделения властей и наполнен «сдержками и противовесами», минимизирующими президентское влияние на принятие государственных решений. Президент США может быть подвергнут импичменту в тех случаях, когда он «становится тираном, чванливым и всемогущим» [22, с. 165–166]; президентские законопроекты и любые кандидатуры, предложенные президентом для назначения на должность любой федеральной службы, могут также блокироваться Конгрессом, поскольку для получения «совета и согласия» требуется две трети голосов Сената. Таким образом, внутрисистемные отношения в США пронизаны сложной системой коммуникации между исполнительной (президентской) властью, Конгрессом и Верховным судом США, глава которого председательствует в ходе заседаний Сената, рассматривающего дело об импичменте президента [9]. Сложная система коммуникации в американском государстве наглядно проявилась не только при разрешении «Уотергейтского дела», но и при попытках Б. Обамы увеличить «потолок» государственного долга в октябре 2013 г., легализовать мигрантов в ноябре 2014 г.

В странах Западной Европы политический потенциал института президента также ограничен, что связано с социопримирильным характером политических отношений. В Германии федеральный президент избирается Федеральным собранием и осуществляет преимущественно представительные функции: представляет Германию в вопросах международного права и заключает от ее имени договоры с иностранными государствами. В соответствии со статьей 61 Конституции ФРГ обвинение против федерального президента ФРГ может возбуждать как Бундестаг, так и Бундесрат [10]. Если Федеральный конституционный суд на основе выдвинутого соответствующей палатой обвинения установит, что федеральный президент виновен в умышленном нарушении Основного или иного федерального закона, он может объявить о лишении его должности.

В Австрии президент избирается населением с помощью всеобщих прямых выборов и его полномочия достаточно широки, однако свои функции президент Австрии осуществляет на основе предложений правительства, все его решения должны быть подписаны федеральным канцлером или соответствующим

щим федеральным министром, а сам президент за свою деятельность в соответствии со статьями 68, 142 Конституции Австрии отвечает перед Федеральным собранием [8].

Швейцарского президента президентом можно назвать условно. В Конституции Швейцарии говорится о Союзном президенте, но он не является ни главой государства, ни главой правительства [19]. Данные функции, как гласит статья 174 Конституции Швейцарии, выполняются коллективно Союзным советом – верховным руководящим и исполнительным органом Союза. Кроме того, в статье 175 Конституции Швейцарии определяется, что Союзный совет Федерации состоит из равноправных 7 членов, являющихся швейцарскими гражданами и избираемых на 4 года швейцарским парламентом. Иными словами, президент Швейцарии является всего лишь *primus inter pares* («первым среди равных»). Его роль сводится к председательству на заседаниях Федерального совета и к выполнению официальных полномочий, носящих в большей степени церемониальный характер; только в случае разделения голосов в Федеральном совете поровну голос президента считается решающим.

Недостатки моноцентрических систем и анализ института президента в США и странах Западной Европы позволяют говорить о необходимости институционально-функциональной трансформации института президента в России. Этот вывод следует из необходимости обеспечения стабильного развития российской политики, традиционно расположенной к революционным потрясениям и отдаленной в своем развитии от демократического вектора, направленного в сторону развития парламентских систем [13].

Вектор трансформации российской политики должен быть ориентирован на усиление коллективных представительных органов власти, реализацию принципа разделения властей, создание механизма «сдержек и противовесов». В условиях демократизации российской политической системы президент РФ теоретически должен не только занять место *primus inter pares*, но и быть ограничен в выражении своей политической воли органами законодательной, исполнительной и судебной власти. В определенном смысле он должен стать фигурой, обеспечивающей тесное взаимодействие между народом и государством, «советником», мнение которого должно быть не более чем авторитетно для стремящихся к политической атомизации, но тесно взаимодействующих друг с другом социально-политических акторов. В такой системе уже не глава государства является гарантом фактической и реально действующей конституции, а *intoto* государственная и негосударственная системы, обеспечивающие эволюционную трансформацию всей социальной системы.

Отход или пренебрежение децентрализаторским вектором в организации государства, призыв к сохранению моноцентризма как стержня политической системы, стремление к установлению монархической формы правления являются контрпродуктивными и опасными для политической системы российского общества. Чем более будет усиливать свой властный потенциал президент, тем более неустойчивее будет политическая конструкция российского социума, выше его конфликтный потенциал и значительней антропологическое отчуждение между элитой и обществом.

Список литературы

1. Алмонд Г. Артикуляция интересов [Электронный ресурс] / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон. – URL: pavroz.ru/almond-articulation (дата обращения: 20.11.2014).
2. Баранов С. В. Гражданское общество в системе обеспечения безопасности государств Европы / С. В. Баранов // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2013. – № 2.1. – С. 32–39.
3. Верховский А. Этнополитика федеральной власти и активизация русского национализма / А. Верховский // «Pro et Contra» (за и против). – 2014. – № 1–2 (62). – С. 19–33.
4. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине / Н. Винер. – М. : Наука; Гл. ред. изд. для зарубеж. стран, 1983. – 344 с.
5. Дубин Б. «Чужие» национализмы и «свои» ксенофобии вчерашних и сегодняшних россиян / Б. Дубин // PRO et CONTRA (ЗА и ПРОТИВ). – 2014. – № 1–2 (62). – С. 6–18.
6. Зюганов: полномочий у президента больше, чем у фараона и генсека [Электронный ресурс] // URL: <http://www.novopol.ru/zyuganov-polnomochiy-u-prezidentabolshe-chem-u-farao-text110240.html> (дата обращения: 02.01.2012).
7. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г. [Электронный ресурс] // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 20.11.2014).
8. Конституция Австрии [Электронный ресурс]. – URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=160&page=8> (дата обращения: 20.11.2014).
9. Конституция США [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (дата обращения: 20.11.2014).
10. Конституция ФРГ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rfhwb.de/Pravo/Pravo_ru/pravo_ru1.htm (дата обращения: 20.11.2014).
11. Кремль рисует демократический фасад [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,1573304,00.html> (дата обращения: 10.08.2014).
12. Кынев А. В. Институт президента в странах Центральной и Восточной Европы: сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук / А. В. Кынев; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2002. – 28 с.
13. Линц Х. Опасности президентства [Электронный ресурс] / Х. Линц. – URL: http://www.textfighter.org/raznoe/Polit/Article/lints_h_opasnosti_prezidentstva_politologii.php (дата обращения: 20.11.2014).
14. Мельвиль А. Ю. «Царь горы», или почему в посткоммунистических автократиях плохие институты / А. Ю. Мельвиль, Д. К. Стукал, М. Г. Миронюк // Полис: полит. исслед. – 2013. – № 2(134). – С. 125–142.
15. Моноцентризм: утраченный, обретенный или все-таки утраченный? (27 декабря 2007) [Электронный ресурс] // URL: http://www.politeia.ru/politeia_seminar/10/25 (дата обращения: 20.11.2014).
16. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. с англ. А. Н. Нестеренко; пред. и науч. ред. Б. З. Мильнера. – М. : Фонд экон. книги «Начала», 1997. – 190 с.
17. Паречина С. Г. Институт президентства: история и современность [Электронный ресурс] / С. Г. Паречина. – Минск : Инс-т соц.-полит. исслед. при Администрации Президента Республики Беларусь, 2003. – URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/parechina.txt> (дата обращения: 20.11.2014).

18. *Полуян Л. Я.* Совет Федерации: направления и перспективы развития парламентаризма / Л. Я. Полуян // Гражданин и право. – 2002. – № 9/10 – С. 62–67, 11/12 – С. 24–31.

19. *Соловей В.* Регрессивный синдром. Варвары на развалинах Третьего Рима / В. Соловей // Политический класс. – 2005. – № 2. – С. 17–22.

20. Союзная Конституция Швейцарской конфедерации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/swiss/swiss--r.htm (дата обращения: 20.11.2014).

21. *Тихонова В. В.* Политическое «пралидерство» и популизм в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук / В. В. Тихонова ; МГОУ. – М., 2011. – 28 с.

22. *Токвиль А. де.* Демократия в Америке : пер. с фр. / Алексис де Токвиль ; В. П. Олейника [и др.] ; предисл. Гарольда Дж. Ласки ; коммент. В. Т. Олейника. – М. : Прогресс, 1992. – 554 с.

23. *Jordan Barbara.* Moving on From Watergate // Texas Journal of Women and the Law. -1996. – Vol. 5. – P. 165–166.

24. *Joseph P. Lash,* Roosevelt and Churchill. – N. Y. : W. W. Norton amp; Company, Inc., 1976. – 183 p.

25. *Klitgaard R.* Adjusting to Reality: Beyond «State versus Market» in Economic Development. – San Francisco : An International Center for Economic Growth Publication, 1991. –127 p.

Presidentialism and Polity Development Stability: Russian Political Practice and Foreign Countries' Experience

Е. А. Trofimov

Far East State Agricultural University, Blagoveshchensk

Abstract. The article presents the concept of “president” in Russia and in foreign countries. Preliminary proposition: in the current context the political status of the President of the Russian Federation acts primary deterrent of Russian polity development making it obsolete; the concept of presidency in Russia needs both institutional and functional correction based on the international democratic experience and main features of the Post-modern society.

Taking into account institutional and functional role of the concept of presidency in the countries with developmental nature of polities and main features of the Post-modern society it is pointed out that the concept of presidency is losing its supremacy in political systems of modern democratic countries and obtaining a «primus inter pares» (“equal among equals”) status. Reduction of the role of the presidency concept in western polities is attributed to both the necessity of accrescence of authoritative potential of collective representative bodies that exercise conciliatory and articulating functions more effectively in polycentric mosaic constructions, and to the representative individualized bodies' ability to produce permanent social conflict and to irrationalize political process in order to reinforce their own political potential by means of disadvantages of parliamentary systems.

The author stresses that the ongoing Russian political process designed to consolidate the role of the concept of presidency in state mechanism discords with the political experience of democratic countries and general civilizational vector of political systems development. The current situation may lead to a political crisis, main reasons thereof might be the following: (a) the excessive pressure on the presidency as a result of complication of social

structure of the society and president's deprivation of the opportunity to harmonize the interests of wide social groups; (b) autocratization of the political system resulting in inequalities in "state-state" and «state-society» systems, and civic institutions' removing from the public security enforcement sphere; (c) maintaining the political system prone to conflicts due to the president's interest in reproduction of the intolerant political environment; (d) degradation of Russian polity and loss of its competitiveness.

While preparing the article the following research methods have been used: dialectical, legal, comparative, historical, systematic, synergetic, and formal logical.

Keywords: president, monocentrism, authoritarianism, centralization, social tension, democratization, political transformation.

Трофимов Евгений Александрович
кандидат политических наук, доцент,
кафедра философии
Дальневосточный государственный
аграрный университет
675000, г. Благовещенск,
ул. Политехническая, 86
тел.: 8(4162)333474
e-mail: trewall15@yandex.ru

Trofimov Evgeny Aleksandrovich
Candidate of Sciences (Politics), Associate
Professor, Department of Philosophy
Far East State Agricultural University
86, Politehnicheskayast., Blagoveshchensk,
675000
tel.: 8(4162)333474
e-mail: trewall15@yandex.ru